

СОСТАВ И ГРАНИЦЫ ПАРАГРАФЕМИКИ

Е.А. Губина

Аннотация. В современной науке закрепилось расширительное понимание параграфемики, которое вступает в противоречие со сложившимся пониманием паралингвистики и параязыка. Поскольку к параязыку относят явления, которые без устного или письменного высказывания не могут существовать, но при этом не являются частью системы языка, то параграфемике следует ограничить варьированием начертания (супраграфемика) и пространственного положения текста на странице (топографемика). Это предполагает исключение из состава параграфемики, во-первых, всех элементов графики, которая понимается как система сегментных средств письменной речи и включает не только алфавитные, но и неалфавитные графемы (знаки препинания, идеографические знаки и т.д.), а во-вторых, интеграции текста и изображения. Исключение из состава параграфемики синграфемики (неалфавитных знаков и их ненормативного использования) позволяет четко противопоставить параграфическое варьирование и графическую игру.

Ключевые слова: параграфемика, графика, паралингвистика, графема, графическая игра, креолизованный текст.

Для цитирования: Губина Е.А. Состав и границы параграфемики // Преподаватель XXI век. 2025. № 1. Часть 2. С. 373–385. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-1-373-385

THE COMPOSITION AND BOUNDARIES OF PARAGRAPHEMICS

373

Е.А. Gubina

Abstract. In modern linguistics, a more broadened understanding of paragraphemics has taken hold, which contradicts the existing understanding of paralinguistics and paralanguage. If we assume that paralanguage includes phenomena that cannot exist without a spoken or written utterance, but are not part of the language system, then paragraphemics should be limited to the variation of type face design (supragraphemics) and the spatial position of the text on the page (topographemics). This implies, firstly, the exclusion of all the elements of graphics, which is understood as a system of segmental means of written speech and includes not only alphabetic but also non-alphabetic graphemes (punctuation marks, ideographic signs, etc.), and secondly,

© Губина Е.А., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

the integration of the text and image. The exclusion of syngraphemics (non-alphabetic signs and their non-normative use) from the composition of paragraphemics allows us to clearly contrast the paragraphic variation and graphic play.

Keywords: *paragraphemics, graphics, paralinguistics, grapheme, graphic play, creolised text.*

Cite as: Gubina E.A. The Composition and Boundaries of Paragraphemics. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2025, No. 1, part 2, pp. 373–385. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-1-373-385

Введение

Современные науки лингвосомиотического цикла все больше внимания уделяют письменному тексту. От наивного представления о письме как средстве репрезентации звуков языка (фонем) лингвистика переходит к более сложному представлению о письме как особом семиотическом модусе, отличном от устной речи [1; 2, р. 66–86; 3, р. 8–34], или особой форме существования языка, которая по отношению к устной речи развивается во многом автономно [4; 5, р. 16–17, 28–31]. Исследователи обращали внимание на то, что письмо не только оказывает влияние на устную речь, но и с синхронической точки зрения (т.е. точки зрения носителя языка) даже воспринимается как первичное по отношению к устной речи [6]. Кроме того, все больше внимания уделяется письменному тексту как таковому, в котором за последние века были выработаны многообразные средства и приемы лингвистически значимого структурирования информации. Такой пристальный интерес во многом обусловлен количественным увеличением объемов письменных сообщений и трансформацией традиционных текстовых практик, а также формированием в электронной среде качественно новых практик и явлений, которые в контексте традиционных письменных коммуникаций представить было категорически невозможно (прежде всего, динамического текста и кинетической параграфемике). По мере расширения знаний и представлений наука открывает для себя письменный текст как уникальный тип медиа, принципиально отличный от устной речи, и постепенно отказывается от фундаментальных иллюзий по поводу его вторичной природы.

Непосредственным проявлением интереса к письменному тексту является закрепившийся в языке науки термин *параграфемика*. Этим термином обозначают семиотические явления, которые, будучи частью письменного текста, одновременно не являются собственно языковыми. Термин *параграфемика* соотносится с термином *паралингвистика*, и наиболее взвешенным представляется понимание паралингвистики как явлений, которые, сопровождая речевое сообщение, отдельно от него не существуют: представить паралингвистические явления «вне высказывания — значило бы придумать нечто вроде улыбки Чеширского кота у Л. Кэрролла, которая существовала отдельно от самого кота» [7, с. 73], ср. [8, с. 26–42].

Необходимо подчеркнуть, что такое понимание параграфемике остается нестрогим и приблизительным, что проявляется в первую очередь в ее расширительном толковании. В соответствии со сложившейся традицией [9–12], к параграфемике относят чрезвычайно широкий круг явлений, включающий знаки

препинания, средства шрифтового варьирования, идеографические знаки (цифры, графемы вроде \$, ©, §, % и т.д.), внедряемые в текст изображения (рисунки, схемы, фотографии), средства организации текста вроде отчеркивающих линеек и звездочек (астерисков), таблицы, качество бумаги и т.д. Иногда особо указывается, что список этих явлений является принципиально открытым и напрямую зависит от конкретного текста, в котором подобные средства используются [9, с. 7]. К такому широкому подходу примыкает трактовка параграфематики как семиотики письменного текста [13], которая, впрочем, создает условия для инкорпорации в параграфематику самой графики, по сути, ядро семиотики письменного текста формирующей. Параграфематика в этом понимании выходит далеко за пределы паралингвистики в указанном выше смысле.

В данной статье предпринимается попытка обоснования более узкой и строгой трактовки термина *параграфематика*, которая предполагает исключение из ее состава двух спорных зон. Внешнюю по отношению к языку спорную зону формируют изображения, которые по многим признакам максимально удалены от языковой графики, особенно если последняя отождествляется с алфавитом. Другая спорная зона непосредственно примыкает к языковой системе и представляет собой дополнение алфавита. Составляют ее такие единицы, как пунктуационные знаки, идеографические знаки, включая цифры, специальная — например математическая, химическая — нотация и т.д. В целом расширительное понимание параграфематики предполагает, что обе эти зоны включаются в состав параграфематики, хотя по многим причинам такое решение не является удовлетворительным.

Параграфематика и изображения

Что касается изображений, то, вопреки прочно утвердившемуся мнению [9–13], интеграцию текста и изображения вряд ли целесообразно считать явлением параграфематики.

Если исходить из узкого понимания параграфематики, то к ней относятся любые явления, которые являются обязательными, неотторжимыми атрибутами письменного текста, способны участвовать в смыслообразовании, но не являются вербальными в строгом смысле этого слова. Любой печатный текст выполнен графемами, которые принадлежат к некоторой гарнитуре, имеют размер, насыщенность, то или иное начертание и некоторым образом расположены на странице (горизонтально, вертикально, в произвольном порядке, с заполнением всего пространства страницы или только ее части, в виде прямоугольника или другой фигуры и т.д.). Поскольку атрибуты, относимые к параграфематике, неотторжимы от письменного текста, они представляют собой не взаимодействие между разными знаковыми системами, а эксплуатацию побочных возможностей знаковой системы письма. В этом смысле параграфематику можно сопоставить с такими свойствами устного высказывания, как темп, громкость, паузация, тембр голоса и т.д., то есть паравербальными (паралингвистическими) явлениями в строгом — а не расширенном — смысле этого слова.

Напротив, изображения в принципе являются самостоятельными семиотическими сущностями и в любом случае принадлежат к отличной от естественного языка знаковой системе, которая подчиняется иным закономерностям. Поэтому они представляют

собой «инородные» вкрапления в текст элементов других знаковых систем (рисунка, живописи, фотографии), и, в отличие от перечисленных ранее свойств письменного текста, их наличие в тексте в строгом смысле не является ни необходимым, ни неизбежным, ни обязательным. В силу сказанного гораздо более целесообразным кажется рассматривать такую интеграцию как взаимодействие разных, автономных знаковых систем, то есть явление мультимодальной семиотики.

В целом, исключение изображений из параграфематики представляется важным с точки зрения построения согласованной терминологической системы, в которой термин *параграфематика* непротиворечиво соотносится с терминами *паралингвистика*, *параязыковой*, *паравербальный*, *параязык* и т.п. В такой системе различие между вербальным, паравербальным (сопровождающим вербальное) и невербальным (незнаковым либо принадлежащим к другим знаковым системам) сохраняется и оказывается применимым как к устной, так и к письменной речи.

Отнесение интеграции текста и изображения к параграфематике, по всей видимости, обусловлено тем, что текст и изображение принадлежат к одному — визуальному — каналу передачи информации. В силу такой смежности интеграция текста и изображения происходит более естественно и легче реализуется, чем, например, интеграция текста и звука (не только звучащей речи, но и, например, музыки, природных звуков и т.д.). Последнее возможно разве что в контексте сложных кинетических визуально-графических единств, то есть на продвинутых уровнях развития медиатехнологий, и реальностью человеческой коммуникации такие единства стали относительно недавно с появлением мультипликации и кино. Именно в силу принадлежности к одному каналу передачи информации в некоторых контекстах между текстом и изображением могут устанавливаться более тесные взаимосвязи (прежде всего, формальные), которые в пределе делают разделение изображения и текста невозможным. Как следствие, возникает полная креолизация, т.е. соединение вербального и пикториального, которое сопровождается утратой обеими составляющими автономности [14, с. 251–253]. Эффект полной креолизации может состоять в том, что отдельные компоненты подобных единств переосмысляются как элементы дополняющего семиотического ряда либо получают двойную нагрузку как в вербальном, так и в изобразительном ряду; подобные единства было предложено характеризовать как вербально-пикториальные гибриды [15; 16]. Однако даже наличие такой сверхвысокой интеграции вряд ли означает, что подобные явления следует интерпретировать как параграфематические, поскольку они не являются в полном смысле слова вербальными. Гораздо более точной представляется их характеристика как гибридных (поликодовых, креолизованных) сообщений. По этой причине любые подобные единства являются объектом не лингвистики, а мультимодальной семиотики [13; 17; 18].

Параграфематика и графика

Более сложным является вопрос о проведении границы между параграфематикой и графикой. Чтобы понять, какие явления относятся к параграфематике, мы должны иметь четкое представление о том, какими границами обладает языковая графика. К сожалению, о том, что современная наука достигла в этом вопросе определенности, по целому ряду причин говорить нельзя. Основной источник неопределенности

связан с колебаниями в трактовке термина *графика* и смежного термина *графема*. Например, на основании толкования термина *графика* в энциклопедическом словаре [19, с. 118] — «совокупность начертательных средств того или иного письма, включающая графемы, знаки препинания, знак ударения и др.; система соотношений между графемами и фонемами в фонематическом письме» — уяснить, какой объем явлений следует к графике относить, вряд ли возможно. С одной стороны, согласно этому определению, знаки препинания и знак ударения относятся к графике; однако, с другой стороны, графика охватывает только соотношения между фонемами и графемами, что равнозначно исключению тех же знаков препинания из ее состава. Также не совсем ясно, почему за пределы графики выносятся иероглифическое и слоговое письмо, а также идеографические знаки в составе фонетического письма (цифры, знаки §, №, % и т. д.).

Все это свидетельствует о том, что графема имплицитно отождествляется с буквой, и это неявное отождествление непосредственно сказывается на понимании состава параграфематики. В науке наблюдается имплицитная тенденция исключения неалфавитных графем (пунктуационных и идеографических знаков) из состава графики. В частности, в классификации А.Б. Баранова и Б. Н. Паршина к параграфематике относится синграфематика — варьирование пунктуационных знаков [10, с. 43, 94], т.е. фактически их ненормативное использование. Некоторые исследователи выделяют синграфемы как особые единицы, относя к ним знаки препинания как таковые [12, с. 30]. К параграфематике также относят ненормативную орфографию [9, с. 6–7] и математическую нотацию [12]. И уже в последнем случае граница между графикой и параграфематикой оказывается размытой: математическая нотация на практике либо максимально приближена к языковой графике, либо вообще создается на базе языковой графики посредством ее модификации. В частности, имена математических и логических переменных типично представлены одиночными латинскими графемами (*x*, *y*, *a*, *n* и т.д.); имена переменных в математических текстах на языках, использующих латиницу, а также в случае необходимости разграничения различных типов переменных создаются либо на материале других алфавитов (например, греческого), либо путем дополнительной модификации латинских графем (полужирного начертания, использования прописных букв вместо строчных, отчетливого варьирования типографской гарнитур и т.д.).

Неалфавитные знаки, несомненно, обладают спецификой, отличающей их от алфавитных графем. Но эта специфичность вряд ли может служить основанием для того, чтобы исключать их из состава графем. Скорее, речь должна идти об особых классах графем, которые по своей семантике и функциональной нагрузке принципиально отличаются от алфавитных графем, но при этом являются полноценными элементами языковой графики. В пользу этого можно привести несколько соображений.

1) Неалфавитные графемы включены в специфичную для письма систему дифференциальных признаков. Идеографические знаки, хотя и не имеют строчного и прописного начертания, больше напоминают алфавитные графемы, чем пунктуационные знаки, которые занимают особую позицию относительно строки (ср. точку, запятую, многоточие) либо имеют нестандартную ширину (ср. восклицательный знак, точку с запятой). Но в обоих случаях эти все отличия выполняют различительную роль,

т.е. являются частью системы дифференциальных признаков, позволяющей отличать друг от друга не только графемы, но и их категории (группы, классы).

2) Неалфавитные графемы наравне с алфавитными графемами интегрируются в графическую строку и формируют гомогенный, линейный ряд, аналогичный линейному ряду фонем в устной речи. Это позволяет осмысливать всю совокупность графем как сегментные средства в противоположность супraseгментным средствам параграфематики. Разграничение сегментного и супraseгментного, сформулированное на материале фонетики и ставшее в лингвистике общепринятым [20], полностью применимо к письменной речи, хотя практически совокупность сегментных средств устной речи уже, чем совокупность сегментных средств письма.

3) С предыдущим соображением связан тот факт, что неалфавитные графемы кодируют значимую вербальную информацию, которая не может быть устранена из письменного высказывания без потерь для грамматической структуры и смысла. Например, знаки препинания передают целеустановку высказывания, его грамматическую, смысловую структуру и интонацию, а идеографические знаки (вроде №, %, \$, §, ° и т.п.) репрезентируют отдельные, обычно не устранимые из высказывания словоформы, (ср.: *5 лет — пять лет, § 23 — параграф двадцать три, 79,5 % — семьдесят девять с половиной процентов* и т.д.).

От идеографических знаков знаки пунктуационные отличаются тем, что последнее, не имея в звучащей речи такого же однозначного соответствия, выполняют структурирующую функцию (ср.: «Даже самый “чистый” вербальный текст, лишенный параграфематики (допустим, знаков препинания, абзацев, выделенных заглавий и т.д.), частично обесмысливается, делается трудным для восприятия» [13, с. 182]). Однако это различие отчасти снимается тем, что как идеографические, так и пунктуационные знаки, во-первых, являются сегментными единицами, а во-вторых, не могут использоваться вне письменного текста. В этом состоит, пожалуй, самое существенное отличие этих элементов графики от изображений, которые могут функционировать автономно.

4) Неалфавитные графемы в рамках гарнитуры согласованы с алфавитными знаками в плане визуально-графической стилистики. С лингвистической точки зрения этот аргумент является наиболее слабым, поскольку стилистические вариации графем в рамках различных гарнитур объектом лингвистики в строгом смысле слова не являются и лишь косвенно учитываются при описании инструментов супраграфематики (например, в тех случаях, когда посредством варьирования гарнитуры в тексте создается контраст или гарнитура с выраженным коннотативным смыслом — готический шрифт, вязь — намеренно используется для стилизации). Тем не менее само наличие такого визуального согласования свидетельствует о том, что алфавитные и неалфавитные графемы мыслятся как элементы одной системы.

Обобщая сказанное, нужно подчеркнуть, что представление, будто языковая графика репрезентирует фонетическую систему языка, а потому изоморфна фонетической системе, не обязательно верно. Подобный изоморфизм присущ письму лишь некоторым аспектам, которые могут быть существенными, но никогда не выливаются в полный изоморфизм, оставляя пространство для рассогласования письменного и устного, расхождения между ними. Репрезентация звукового состава письменной речи не является универсальным признаком всех без исклю-

чения письменных систем. Иероглифическое письмо находится с устной речью в гораздо более сложных отношениях, а в составе фонетического письма, как уже указывалось, возникают идеографические элементы (не говоря о неоднозначности соотношения между графемой и звуком, известным любой письменности с богатой историей). Более того, идеографичность присуща орфографическому принципу традиционного написания, когда «слово распознается и произносится (а точнее, читается. — Г.Е.) как целое невзирая на его написание» [21, р. 51], ср. [22, с. 26]. В целом устная и письменная речь — это особые, относительно автономные формы существования языка, и, несмотря на то, что изначально письмо является средством фиксации высказываний, которые возникли и существуют в устной речи, при описании этих систем нет веских оснований исходить из строгого изоморфизма фонетической и графической систем. По нашему мнению, все неалфавитные графемы представляют результат автономного по отношению к устной речи развития графической системы языка в расширенном понимании — причем процесса, который лишь в отдельных случаях обусловлен необходимостью точной фиксации звуковой стороны устной речи.

Таким образом, узкое понимание параграфемике предполагает включение в нее вариирования начертания и положение на странице — разделов, которые в классификации А.Н. Баранова и П.Б. Паршина получили название супраграфемике и топографемике. Синграфемика с такой точки зрения из параграфемике должна быть исключена и поглощена графикой, а ненормативные явления данного ряда должны характеризоваться как графическая игра.

Параграфемика и графическая игра

Суженная трактовка параграфемике позволяет последовательно отграничить графическую игру, то есть явления, которые иногда ошибочно относятся к параграфемике, но на самом деле принадлежат к плану графики. К этим явлениям относятся, например, намеренное нарушение правил орфографии, замена одних графем другими, смешение разных алфавитов, особые явления, связанные с переосмыслением графем, ненормативное использование знаков препинания, пропуск пробелов и т.д. В замены графем другими могут вовлекаться как алфавитные, так и неалфавитные графемы (ср. рус. *Амо, ноАему, 5'nizza*, англ. *b4 'before', 4U* и т.д.). Смешение алфавитов можно проиллюстрировать графическими окказионализмами; например, в окказионализме *МУZb1КА* для передачи русского слова в кириллическом написании используются графемы латинского алфавита *Z, b* и *l*, причем две последние графемы переосмысляются и используются для передачи одной кириллической графемы *Ы*, состоящей из двух элементов. Особым типом нарушения орфографической нормы являются звукоподражательные написания типа *loooung, oooочень долго*, в которых иконически репрезентируются одновременно и стоящая за словом семантика, и возможный способ произнесения слова. Ярким примером переосмысления графем являются графемные эмотиконы, то есть эмотиконы, представленные сочетаниями алфавитных и неалфавитных графем, а не изображениями, как это имеет место в пиктографических (пикториальных) эмотиконах [23]. Ярким средством может быть пропуск пробела, ср. вариант написания *можно-пожалуйста* в названии публичной лекции М.Я. Дымарского о «новой русской

вежливости» (ср. также работу [24, с. 128], где это написание фиксируется как одно из возможных и закрепленных в реальном узусе).

Родство этих явлений очевидно: 1) все они реализуются в линейном ряду строки исключительно при помощи средств графической системы языка или разных языков (в широком понимании), причем 2) использование средств графики носит яркий ненормативный характер, что влечет за собой целый ряд прагматических, смысловых, экспрессивных и коннотативных эффектов, из-за которых, в частности, такого рода явления во многих контекстах оказываются неуместными. В целом подобные явления эксплуатируют возможности графики (системы графических средств), но при этом нарушают нормы и правила орфографии (правила использования графических средств), и эти два аспекта — т.е. графику и орфографию — необходимо последовательно различать.

Ошибочное отнесение перечисленных явлений к параграфемике основано, видимо, на смешении противопоставлений «графическое/параграфическое», с одной стороны, и «нормативное/ненормативное — с другой. Такое смешение предполагает, что параграфемика неявно отождествляется со всем ненормативным, отклоняющимся от нормы, выделяющимся, необычным. На это указывает, в частности, упоминавшееся понимание синграфемики как варьирования или ненормативного использования пунктуации; в более широком смысле на это указывает тот факт, что классическая статья А.Н. Баранова и П.Б. Паршина [10], которая в значительной степени определила понимание параграфемики (метаграфемики) в современной науке, была посвящена рассмотрению соответствующих явлений с точки зрения речевого воздействия. В связи с этим важно подчеркнуть, что понятие параграфемики ни в каком смысле не связано с нормативностью/ненормативностью. Параграфическое по определению присуще любому тексту, в том числе тексту, нейтральному в визуально-графическом отношении, точно так же, как паралингвистические («парафонетические») характеристики (тембр, темп, паузация, громкость, отчетливость произношения и т.д.) присущи любому устному высказыванию. В нейтральных текстах параграфемика реализуется как раз через нормативное оформление текста и отсутствие изображений (или их минимальное использование); в частности, в таких текстах через единообразие оформления (то есть через полное отсутствие варьирования или минимальное варьирование параграфических свойств) в визуально-графическом плане реализуется цельность текста [25]. Вопрос, следовательно, заключается в том, что тяготеющие к норме тексты должны быть противопоставлены текстам, которые тяготеют к нарушению нормы и активно, а иногда даже избыточно эксплуатируют потенции параграфического варьирования. В текстах второго типа естественно ожидать совмещения нарушений различных норм, как орфографических и пунктуационных (т.е. графических), так и параграфических. Но это не означает, что параграфические нормы не следует противопоставлять орфографическим и пунктуационным нормам.

С другой стороны, эти явления являются ненормативными не всегда, что можно проиллюстрировать на примере смешения алфавитов. Письменность особым образом «подогнана» к системе конкретного языка и закреплена традицией, нормой и общим узусом, и переключение между алфавитами отчасти аналогично переключению между языками. Поэтому в общем случае переход на другой алфавит или смешение алфа-

витов являются яркими, значимыми явлениями. Тем не менее выступают они как яркий графический прием лишь иногда. Имея дело со смешением алфавитов, например, при цитировании иноязычных текстов или в рамках лингвистического исследования, говорить о ненормативности, экспрессивности и т.д. сложно. Смешение алфавитов представляет собой языковую игру и яркий графический прием лишь в том случае, если оно сопровождается смысловым приращением или дополнительной функциональной нагрузкой. Особенно ярко это проявляется, если оно влечет неоднозначность интерпретации графем и/или сопряжено с расчленением цельной графической единицы. Эффект в образованиях вроде названия бренда *Xrusteam* обусловлен не только таким смысловым приращением (морфологически незначимый слог *tim* переосмысляется как английское слово *team* ‘команда’), но и тем, что переключение имеет место внутри слова. В общем случае единообразное графическое оформление при помощи средств алфавита — это обязательное свойство полнозначной единицы, и переключение между алфавитами внутри полнозначной единицы, в обычном случае невозможное, усиливает экспрессивность слова.

Если принять предлагаемое понимание графики и параграфематики, то мы должны противопоставить ненормативное выделение строчными и прописными графемами варьированию начертания, то есть посредством размера, цвета графем, их начертания (курсив, жирный), разрядки, смены гарнитуры и т.д. Варьирование начертания очевидно принадлежит к параграфематике, так как затрагивает лингвистически незначимые свойства графем, не нарушает их самотождественности и является супрасегментным признаком. Напротив, противопоставление строчных и прописных букв способно выполнять важные орфографические, пунктуационные и смысловоразличительные функции (ср. *орел* — *Орел*), а потому соотносительные начертания одной и той же буквы (*A* и *a*) считаются разными графемами [4, с. 86; 26, с. 561; 27, р. 194; 28, р. 10, 15–16]. В силу этого возникает вопрос, каким образом следует осмыслять акцентирование сегмента текста посредством прописных графем: с одной стороны, само это средство является графическим, однако по своему применению оно сходно с параграфическими средствами. Наиболее разумный ответ, по всей видимости, состоит в том, что сплошное использование строчных букв следует рассматривать как переосмысление, в результате которого сегментные единицы, т.е. графемы, начинают использоваться в качестве супрасегментного средства и приспособляются к функции, которая не является для них изначальной и основной.

Заключение

Рассмотренное узкое понимание параграфематики предполагает ее ограничение супраграфематикой, включающей характеристики графем вроде начертания, гарнитуры, цвета, размера и т.д., и топографематикой, включающей пространственное положение текста на странице. Единицы, осмысляемые как синграфематика, т.е. пунктуационные и другие неалфавитные знаки, на наш взгляд, целесообразно отнести к языковой графике, для которой однозначное соответствие с фонетической системой не является обязательным. В противоположность этому из состава параграфематики следует исключить все формы взаимодействия текста с изображением и, шире, элементами любых других знаковых систем, которое должно осмысляться как явление мультимодальной семиотики.

Узкое понимание параграфемики позволяет решить ряд важных задач. Во-первых, оно позволяет представить языковую графику как целостную систему, вырабатываемую на протяжении веков в качестве автономного коммуникативного инструмента и в случае с фонетическим письмом лишь отчасти ориентированную на непосредственную фиксацию звукового состава речи. Параграфемика с такой точки зрения включает те свойства текста, которые, не будучи языковой графикой, участвуют в формировании смысла сообщения, его структурировании и реализации его прагматической нагрузки. Также оно позволяет четко разграничить параграфическое варьирование как инструмент структурирования текста или воздействия и графическую игру, предполагающей манипуляции графемами, их сопоставление и т.д. в линейном ряду строки. Наконец, благодаря узкому пониманию параграфемики возможно осуществление согласования термина *параграфемика* и терминологического ряда *паралингвистика*, *параязык*, *паравербальный*, члены которого обладают универсальным смыслом, но чаще применяются к устной речи, и тем самым обеспечить целостность и связность терминологической системы, описывающей взаимодействие системы естественного языка с его ближайшим и отдаленным семиотическим окружением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kress, G. What is Mode? // The Routledge Handbook of Multimodal Analysis. London, New York: Routledge, 2009. P. 54–67.
2. Nørgaard, N. Multimodal Stylistics of the Novel: More Than Words. New York, London: Routledge, 2019. 348 p.
3. Sindoni, M.G. Spoken and Written Discourse in Online Interactions: a Multimodal Approach (Routledge Studies in Multimodality). London: Routledge, 2013. 240 p.
4. Амирова, Т.А. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. М.: Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1985. 286 с.
5. Meletis, D., Dürscheid, Ch. Writing Systems and Their Use: An Overview of Grapholinguistics. De Gruyter Mouton, 2022. 318 p.
6. Householder, F. The primacy of writing // Householder F. Linguistic speculations. London: Cambridge University Press, 1971. P. 244–264.
7. Николаева, Т.М., Успенский, Б.А. Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М.: Наука, 1966. С. 63–74.
8. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 581 с.
9. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. 107 с.
10. Баранов, А.Н., Паршин П.Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемики // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М.: ИНИОН, 1989. С. 41–115.
11. Баранов, А.Н., Паршин П.Б. О метаязыке описания визуализаций текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 3. С. 6–15.
12. Шубина, Н.Л. Пунктуация современного русского языка. М.: Академия, 2006. 256 с.

13. Плотников, Б.А. Семиотика текста: Параграфемика. Минск: Вышэйша школа, 1992. 190 с.
14. Валгина, Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 278 с.
15. Губина, Е.А. Вербально-пикториальные гибриды как объект лингвистического исследования: К постановке проблемы // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 36–47.
16. Губина, Е.А. Между текстом и изображением: вербально-пикториальные гибриды как особое лингвосомиотическое явление. Ростов н/Д; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. 184 с.
17. Bateman, J., Wildfeuer, J., Hiippala, T. *Multimodality: Foundations, Research and Analysis. A Problem-Oriented Introduction*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2017. 415 p.
18. Jewitt, C., Bezemer, J., O'Halloran, K. *Introducing Multimodality*. London, New York: Routledge, 2016. 219 p.
19. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
20. Потапова, Р.К., Потапов, В.В. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. М.: Языки славянских культур, 2012. 464 с.
21. Craigie, W.A. *Problems of Spelling Reform*. Oxford: The Clarendon press, 1944. 76 p.
22. Баранова, Л.Л. Онтология английской письменной речи. М.: Изд-во ПСГТУ, 2008. 312 с.
23. Губина, Е.А. Графемные эмотиконы как разновидность вербально-пикториальных гибридов // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 73–81.
24. Высоцкая, И.В., Северская, О.И. Сколько знаков препинания от можно до пожалуйста? (этикетная вежливость в аспекте пунктуации) // #ГОТСБОРНИК: Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта. Вып. 4. М.: Словари XXI века, 2019. С. 126–133.
25. Губина, Е.А. Параграфемные средства формирования цельности печатно-электронного текста // Новейшая филология: динамика речевых и текстовых форм. Омск: Издательство ОмГУ, 2022. С. 8–13.
26. Зализняк, А.А. О понятии графемы // Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 559–576.
27. Crystal, D. *The Cambridge Encyclopaedia of Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. viii, 472 p.
28. Rogers, H. *Writing Systems: A Linguistic Approach*. Oxford: Blackwell, 2005. 322 p.

REFERENCES

1. Kress, G. What is Mode? *The Routledge Handbook of Multimodal Analysis*. London, New York, Routledge, 2009, pp. 54–67.
2. Nørgaard, N. *Multimodal Stylistics of the Novel: More Than Words*. New York, London, Routledge, 2019, 348 p.
3. Sindoni, M.G. *Spoken and Written Discourse in Online Interactions: a Multimodal Approach (Routledge Studies in Multimodality)*. London, Routledge, 2013, 240 p.
4. Amirova, T.A. *Funktsionalnaya vzaimosvyaz pismennogo i zvukovogoazyka* [Functional Interrelationship between Writing and Speech]. Moscow, Nauka, Glavnaya redaksiya vostochnoi literatury, 1985, 286 p. (in Russ.)

5. Meletis, D., Dürscheid, Ch. *Writing Systems and Their Use: An Overview of Grapholinguistics*. De Gruyter Mouton, 2022, 318 p.
6. Householder, F. The Primacy of Writing. In: Householder F. *Linguistic Speculations*. London, Cambridge University Press, 1971, pp. 244–264.
7. Nikolaeva, T.M., Uspenskii, B.A. Yazykoznanie i paralingvistika [Linguistics and Paralinguistics]. In: *Lingvisticheskie issledovaniya po obshchei i slavyanskoj tipologii* [Linguistic Research in General and Slavic Typology]. Moscow, Nauka, 1966, pp. 63–74. (in Russ.)
8. Kreidlin, G.E. *Neverbalnaya semiotika: yazyk tela i estestvennyi yazyk* [Nonverbal Semiotics: Language of Body and Natural Language]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2004, 581 p. (in Russ.)
9. Anisimova, E.E. *Lingvistika teksta i mezhkulturnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Textual Linguistics and Cross-Cultural Communication (on the Material of “Creolized” Texts)]. Moscow, Academia, 2003, 107 p. (in Russ.)
10. Baranov, A.N., Parshin, P.B. Vozdeistvuyushchii potentsial varirovaniya v sfere metagrafemiki [Suggestive Potential of Variation in Metagraphemics]. In: *Problemy effektivnosti rechevoi kommunikatsii* [Problems of the Speech Communication Efficiency]. Moscow, INION, 1989, pp. 41–115. (in Russ.)
11. Baranov, A.N., Parshin, P.B. O metazyazyke opisaniya vizualizatsii teksta [Towards the Metalanguage for Describing Text Vizualizations]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 2018, vol. 17, No. 3, pp. 6–15. (in Russ.)
12. Shubina, N.L. *Punktuatsiya sovremennogo russkogo yazyka* [Modern Russian Punctuation]. Moscow, Akademiya, 2006, 256 p. (in Russ.)
13. Plotnikov, B.A. *Semiotika teksta: Paragrafemika* [Textual Semiotics: Paragraphemics]. Minsk, Vysheisha shkola, 1992, 190 p. (in Russ.)
14. Valgina, N.S. *Teoriya teksta* [Theory of the Text]. Moscow, Logos, 2003, 278 p. (in Russ.)
15. Gubina, E.A. Verbalno-piktorialnye gibridy kak objekt lingvisticheskogo issledovaniya: K postanovke problemy [Verbal-Pictorial Hybrids as Subject Matter of the Linguistic Study: the Problem Statement]. *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* = Proceedings of Southern Federal University. Philology, 2021, vol. 25, No. 1, pp. 36–47. (in Russ.)
16. Gubina, E.A. *Mezhdru tekstom i izobrazheniem: verbalno-piktorialnye gibridy kak osoboe lingvosemioticheskoe javlenie* [Between Text and Picture: Verbal-Pictorial Hybrids as Special linguistic and Semiotic Phenomenon]. Rostov-on-Don, Taganrog, South Federal University, 2019, 184 p. (in Russ.)
17. Bateman, J., Wildfeuer, J., Hiippala, T. *Multimodality: Foundations, Research and Analysis. A Problem-Oriented Introduction*. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton, 2017, vii, 415 p.
18. Jewitt, C., Bezemer, J., O'Halloran, K. *Introducing Multimodality*. London, New York, Routledge, 2016, 219 p.
19. *Jazykoznanie. Bolshoj entsiklopedicheskij slovar* [Linguistics. A Large Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Bolshaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998, 685 p. (in Russ.)
20. Potapova, R.K., Potapov, V.V. *Rechevaja kommunikacija: Ot zvuka k vyskazyvaniju* [Speech Communication: From Sound to Utterance]. Moscow, Jazyki slavjanskih kultur, 2012, 464 p. (in Russ.)
21. Craigie, W.A. *Problems of Spelling Reform*. Oxford, The Clarendon press, 1944, 76 p.

22. Baranova, L.L. *Ontologija anglijskoj pismennoj rechi* [Ontology of English Written Language]. Moscow, Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities, 2008, 312 p. (in Russ.)
23. Gubina, E.A. Grafemnye emotikony kak raznovidnost verbalno-piktorialnyh gibridov [Graphemic Emoticons as a Sub-type of Verbal-pictorial Hybrids], *Gumanitarnye i socialnye nauki* = The Humanities and Social Sciences, 2019, No. 6, pp. 73–81. (in Russ.)
24. Vysotskaya, I.V., Severskaya, O.I. Skolko znakov prepinanija ot možhno do pozhalujsja? (etiketnaja vezhlivost v aspekte punktuacii) [How Many Punctuation Marks are there from 'Možno' to 'Pozhalujsta'? (Etiquette Courtesy in Terms of Punctuation)]. In: *#TOTSBOBNIK: Sbornik nauchnyh trudov po materialam Totalnogo diktanta* [#THOSECOLLECTEDARTICLES: Collected Scientific Articles Following Total Dictation], issue 4. Moscow, Slovri XXI veka, 2019, pp. 126–133. (in Russ.)
25. Gubina, E.A. Paragrafemnye sredstva formirovanija tselnosti pečatno-elektronnoogo teksta [Paragraphemic Means of the Integrity of the Text' Formation]. In: *The Newest Philology: Dynamics of Speech and Textual Forms*. Omsk, 2022, pp. 8–13. (in Russ.)
26. Zaliznjak, A.A. O ponjatii grafemy [About the Concept 'Grapheme']. In: Zaliznjak, A.A. *“Russkoe imennoe slovoizmenenie” s prilozheniem izbrannyh rabot po sovremennomu russkomu jazyku i obshhemu jazykoznaniju* [“Russian Nominal Inflection” and Other Collected Papers on Russian Language and General Linguistics]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kultury, 2002, pp. 559–576. (in Russ.)
27. Crystal, D. *The Cambridge Encyclopaedia of Language*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987, 472 p.
28. Rogers, H. *Writing Systems: A Linguistic Approach*. Oxford, Blackwell, 2005, 322 p.

Губина Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра английской филологии, Институт филологии журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, elena_gubina@mail.ru

Elena A. Gubina, PhD in Philology, Associate Professor, English Philology Department, Institute of Philology, Journalism and Cross-cultural Communication, Southern Federal University, elena_gubina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.10.2024. Принята к публикации 29.11.2024

The paper was submitted 18.10.2024. Accepted for publication 29.11.2024